

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТРИБУНА

БЮРОКРАТИЯ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

П.К. Гречко

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена концептуальному раскрытию авторского понимания бюрократии как формальной рационализации любой человеческой деятельности с целью вертикально-внешнего управления ею. Вообще-то это универсально-международное явление, но в каждой стране оно имеет свою специфику. Традиционно все дела в России строились по властно-вертикальному принципу. Профессионально-коммуникативная горизонталь всегда недооценивалась или даже вытеснялась на периферию. Для российской бюрократической «культуры» очень характерна также фигура начальника — человека без определенной профессионально-деловой привязки, управленца «на все руки», инструментально грамотного и политически лояльного. Для выхода на некий приемлемый уровень бюрократии важно структурировать рациональность поиском оптимальности, укреплять гражданское общество и связанный с ним публичный контроль, развивать сложностное мышление, насыщать отношения между людьми социальным капиталом (прежде всего доверием) и т.д.

Ключевые слова: бюрократия, формальная рационализация, властная вертикаль, профессионально-коммуникативная горизонталь, управление, оптимизация.

Культура как таковая — это усилие и одновременно умение практиковать сложность и разнообразие жизни.

Мераб Мамардашвили

Может ли брак по расчету быть счастливым?

— Может, если расчет правильный.

Из философских наблюдений

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

По определению, академическая, или образовательно-научная, среда уважительна и демократична, в ней нет начальственной вертикали, напротив, доминирует профессионально-человеческая горизонталь, поощрение инициаторов, новаторов и талантов — людей беспокойных, пассионарных. Казалось бы, бюрократия названной среде или сфере противопоказана, ей там не место. Да и «не время», если иметь в виду актуальную повестку дня. Увы, это не так. В последние годы

данное обстоятельство обозначилось как-то очень рельефно, выразительно и воспринимается особенно остро и насущно. Журнал, в котором выходит настоящая статья, университетский. Но тему статьи мы, как кажется на первый взгляд, выбрали не академическую. И опять это не так. Как раз академизму, т.е. образованию и науке, бюрократия сегодня как никогда мешает. Не только ему, конечно, но и ему тоже.

Бюрократия — это вирусная реальность, злокачественная опухоль, которая выедаёт живые клетки инициативы, свободы и ответственности в академическом организме и победоносно устраивается на их месте. По аналогии с нашумевшей когда-то автомобильной акцией господина Прохорова бюрократию можно назвать также ё-управлением (допустимы любые аллюзии, ассоциации и коннотации).

Не приходится доказывать, что прежде чем бороться с бюрократизацией, ее сначала надо идентифицировать — не только, естественно, на уровне сущности, но и *differentia specifica*. Последующий текст как раз и идет в русле решения данной задачи.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕФИНИЦИЯ БЮРОКРАТИИ

У бюрократии и бюрократизма много разных определений. Но самым кратким, пожалуй, может быть (это — авторское предложение) такое: формальная рационализация той или иной деятельности с целью вертикально-внешнего управления ею. Раскроем все входящие в данное определение термины.

«Формальная» — слово многозначное и понимать его можно по-разному. Можно в смысле — невзирая на лица, что все равны перед общими требованиями, правилами и стандартами. А можно — как иссушающая процедура, мелочная опека, правило на каждый шаг и чих, как тотальное прописывание того, что вообще-то самоочевидно и должно «работать» по умолчанию, быть интуитивно понятным. Невольно вспоминается здесь салтыков-щедринский градоначальник, любивший писать законы для самых заурядных занятий, вроде «устава о добропорядочном пирогах печении». «Формальная» — это как раз тот случай, когда за деревьями не видят леса. Или, наоборот, слишком мелочатся, доводя целостную жизненную ситуацию до операционных «атомов» поведения. Когда я, например, читаю в одном из Правил внутреннего распорядка, что не надо плевать на пол, то не знаю, как у кого, но у меня лично появляется желание плюнуть — не на пол, конечно, а на приведенный (инструктивно-бюрократизированный) пассаж. Ясно, что к бюрократии относится вся последняя, вторая, часть предложенного понимания.

«Форма», от которой и происходит прилагательное «формальная», тоже добавляет немало смыслового разнообразия. Форма может быть внутренней, и тогда это внутренняя структура, учитывающая специфику предмета «оформления», адекватно (по существу) упорядочивающая соответствующее содержание. Но форма может быть и внешней, сосудообразной, «заливаемое» в нее содержание вынужденно принимает очертания формы-сосуда. Сущностные элементы содержания при этом никак не затрагиваются, но у них появляются мощные внешние

границы-скрепы. Кроме того, бюрократическая форма отрывает контент от контекста, хотя, по современной методологии, они должны быть вместе, составлять единое целое.

Итак, можно смело утверждать, что бюрократия являет себя как внешняя форма. А также как слепое, часто со рвением, следование формальным правилам и процедурам. Форма в бюрократии перекрывает все, в т.ч. и содержание. До него просто не доходят — нет, не остается сил. Как говорит один из героев А.Н. Островского, «в уме суждения нет и что к чему — этого... не дано». Бюрократическая или бюрократизированная форма образует оболочку, на первый взгляд даже привлекательную, внушительную, но под которой, как выясняется, ничего нет — одна пустота, пусть иногда и звонкая. Рано или поздно в эту пустоту ситуация и проваливается. Специалисты называют это имплозией. Бюрократическая форма убивает мораль — пожалуй, самое главное, коренное и стержневое в нашей жизни и работе. Бюрократия безлика, это всегда нечто структурное, сама структура. Структуры же, по определению, не переживают, не краснеют, не стыдятся — просто и только функционируют.

Приказы, инструкции, распоряжения и т.д., из которых состоит рассматриваемая форма, сами в свою очередь состоят из слов. Слово здесь — главное средство бюрократического воздействия. Словом манипулируют, обрабатывают сознание и волю подчиненных, им стараются если не заменить, то хотя бы заговорить дело. В результате же получается непреодолимый разрыв слова и дела, шире — теории и практики.

По-разному «расшифровывается» также и «рационализация». В популярном представлении — это работа радио-разума, такие характеристики нашей умственной деятельности, как логичность, осмысленность, аргументированность, последовательность, целесообразность. С практической точки зрения рациональность — это калькуляция и расчет, поиск адекватных средств для реализации поставленной цели, принцип разумно-«экономного» поведения: «меньше затраты — больше результаты». В философско-методологическом плане рациональность, рационализация позиционируются как стремление найти *rationale* — фундаментальный резон, логический базис, любого исследуемого явления, или, что то же самое, выход на самое глубокое, последнее объяснение используемых аргументов, применяемых принципов.

С легкой руки Ю. Хабермаса [2] мы сегодня различаем инструментальную и коммуникативную рациональность. Инструментальная или техническая рациональность властно-репрессивна, а это значит, что функционирует она грубо, с нажимом, игнорируя или недооценивая «неадекватные» возражения и предложения «снизу», редуцируя реальный жизненный процесс («жизненный мир») до его структурного скелета (Системы). Коммуникативная рациональность, напротив, строится на согласовании интересов, взаимопонимании, на уважении и учете других (альтернативных) точек зрения, в ней с определенностью различаются этическая и эстетическая составляющие. Вообще говоря, в коммуникативной рациональности есть все: и некое объективное «обстояние дел», и положительное отно-

шение к устоявшимся социальным нормам, и личная, или интраиндивидуальная, честность, правдивость, — но главное в ней все же представлено уважением Другого и саморефлексией (критическим самоанализом, нацеленным на обоснование собственных мыслей и действий). Бюрократия, что понятно, ограничена инструментальной рациональностью и административным разумом. Такой разум бесцеремонно вмешивается в свободу личности (автономию преподавателя), не обращая, что было бы правильно, к достаточным основаниям или разумному оправданию.

Теперь о «внешнем управлении» в нашем определении бюрократии. Логически рассуждая, можно сказать, что в самом этом термине заложено противопоставление — «внутреннему управлению» или «самоуправлению». Во внутреннем управлении доминируют имманентные, или горизонтально-коллегиальные, связи, профессиональный долг, преданность делу, творчество и личная инициатива, «проверка равными» (peer review), «притязание на значимость» всех заинтересованных сторон, стремление к улучшению того, чем занимаешься, чему, выражаясь высокопарно, посвящаешь всю свою жизнь. Бюрократическое управление потому и называется внешним, что оно изначально поднято наверх, «на небеса» выстраиваемой таким образом иерархии, и уже оттуда, со своего трансцендентного, или вознесенно-властного, далёка («высока») бросает парализующий взгляд на то и тех, что и кто внизу, — на управляемое и управляемых. А поскольку бюрократия не настроена на обратную связь и игнорирует «низовое» самоуправление, то ей жизненно важно держать в своих руках все рычаги управления. И она, надо сказать, с этой задачей справляется, правда, по-своему, своеобразно — посредством как можно более мелкой (и числом растущей) параметризации управляемой реальности. Каждый новый и дополнительный параметр делается отчетным (для пущей убедительности — в электронном и бумажном виде), и значит, управляемо-рычажным. Никакого «само собой разумеющегося», самостоятельно и индивидуально идущего — мониториться и направляться должно все и вся. Ничто не должно выпадать из-под контроля. Вообще максимизировать, т.е. расширять и углублять, свои надзорно-контрольные функции — это в природе бюрократа, бюрократии. Более того, бюрократы стараются контролировать не только тех, кто под ними, но и тех, кто рядом с ними, — т.е. друг друга. С.Н. Паркинсон заметил по этому поводу: «чиновники создают друг другу работу».

Чиновники-бюрократы запускают нескончаемый документооборот, который и есть бюрократическая обратная (фактически — круговая) связь. Исключая социальный (в широком смысле) контроль и самоконтроль, уповая исключительно на контроль административный, бюрократия добавляет в нашу жизнь монополизма, и без того присутствующего в ней с избытком. Бюрократическая параметризация нашей жизни — это по большому счету великое надувало. Сразу в двух смыслах: и надувание воздухом, и обманывание, нарочитое, иногда иезуитски-изоощренное, придумывание.

Не соблюдается в случае бюрократии и один из ключевых принципов нормального управления, или приемлемой бюрократии, гласящий, что сложность управляющей системы должна соответствовать сложности управляемой системы.

Ну, со сложностью управляемой системы все просто: она всегда сложнее, чем принято думать. А вот сложность управляющей системы по меньшей мере двузначна. С одной стороны, будучи бюрократической, она стремится управлять традиционно-понятными средствами, намеренно упрощая реальное положение вещей — так ей привычнее и легче, да и «лакейство мысли» (Ф.М. Достоевский) не позволяет. С другой стороны, она самопродуцирует искусственную сложность в виде всевозможных циркуляров, инструкций, положений, полей-позиций, параграфов-пунктов. Там, где можно было бы обойтись семью четко фиксируемыми параметрами, их уже семьдесят — в глазах рябит, поди разберись и вовремя уложись. Пропустил что-то — все, не справился с задачей, не отреагировал, не выполнил. Баланс сложностей — управляемой и управляющей систем — вроде бы и достигается, но он оказывается ассиметричным, с явным перекосом в сторону избыточно-искусственной сложности.

Уточним, в свете сказанного, «внешнюю» характеристику бюрократического управления. При долгом управляющем воздействии бюрократической системы меняется, и существенно, сама управляемая система. С кем или чем, что называется, поведешься... Иными словами, со временем управляющая система преобразуется — по образу и подобию своему — управляемую систему. Систематическое и целенаправленное управляющее воздействие как бы овнутряется, делается своим или родным для управляемой системы. Круг замыкается, наступает круговая ответственность или порука. И уже неважно, кто первым сказал «Э!». Отсюда, кстати, и сентенции типа гегелевской: «каждый народ достоин своего правительства». Вырабатывается особый тип субъекта как объекта — *homo burocraticus* / «человек бюрократический» (в данном контексте лучше: бюрократизированный). Инфицированный бюрократией человек — жалкое, несамостоятельное, безвольное, лишенное личного достоинства и все чего-то и от кого-то ждущее существо. Хотя на эту ситуацию можно посмотреть и по-другому, скажем, как на некое жизненное удобство: никаких индивидуальных решений, вся ответственность и связанные с ней риски бесследно исчезают в безликом следовании формальным процедурам. Как заметил в сходной ситуации Оскар Бренифье, «искусство мышления и искусство вопрошания означают выбор в пользу истины, а не безопасности и комфорта» [1].

У чисто бюрократического распоряжения рациональностью есть одно, скажем так, метафизическое следствие/последствие, по-своему печальное, если не трагическое, — это «фундаментальное унижение разума» (выражение А. Букова). Формальная рационализация лишает разум смысла и ценности, сближая его в этом плане с абсурдом. Напомним, что наказание бессмысленностью (Сизифов труд) со времен Античности считается одним из самых бесчеловечных и жестоких. Это вообще-то оскорбление человека как, по определению, существа разумного. Пораженный бюрократическим формализмом преподаватель теряет волю не только к инициированию, но и к сопротивлению, мучительно переключаясь в своей работе с регистра академического на бюрократический и наоборот. Бюрократия наказывает думающих людей бессмысленностью, абсурдом, и это очень депрессивно — расстраивает и угнетает. Ситуацию в целом, однако, «глупить» не надо: бюрократия, бюрократ — это не отсутствие ума, это особый ум.

О СТРАНОВОЙ СПЕЦИФИКАЦИИ ПРОБЛЕМЫ

Не найти в мире страны, в которой бы не было бюрократии. Но бюрократия бюрократии рознь — и по форме, средствам, приемам, и, что более важно, по концентрации. Российская реальность в этом плане очень «концентрированная», в отдельных случаях просто зашкаливает. Важно разобраться, что этому благоприятствует, на что наша — отечественная, родная — бюрократия опирается, что вообще-то эксплуатирует.

Как уже отмечалось, дела в нашем отечестве всегда строились по вертикальному принципу. Пожалуй, более точным термином здесь будет не «строились», а «вершились» — он прямо указывает на верх. Менялись цари, генсеки, президенты, а «вертикальность» оставалась. А значит, и соответствующая властность — линейно-жесткая, централизованная, сверху вниз идущая, с большой долей «ручного управления». Ничто не делалось и не делается у нас без отмашки сверху. Реформы, и те возможны только сверху, низы, как показывает история, способны только на «бунт, бессмысленный и беспощадный». Конечно, это не значит, что в стране все действительно под контролем, что нет формального и волюнтаристского (вольного — с русской смекалкой) выполнения всех этих «верхних» указаний и распоряжений. Как раз наоборот — произвола и местничества, а также власти случая в такой системе хоть отбавляй. Постоянные СМИ-сообщения о злоупотреблениях служебным положением и коррупционных скандалах — тому наглядное подтверждение. Подтверждается сказанное и тем, что не все даже президентские указы у нас выполняются или, что бывает чаще, выполняются полностью и в срок. А уж сколько посылается тайных знаков и сигналов (по логике условных рефлексов Павлова), «мягких» рекомендаций, хотя нет недостатка и в зычных окриках, публично демонстрируемых «загогулинах». Вертикаль, однако!

В отличие от управленческой горизонтали, которая может складываться и самодеятельно, спонтанно, властно-управленческая вертикаль выстраивается всегда сознательно, целенаправленно, с опорой на мощную кадровую (бюрократический аппарат) поддержку. Аппаратный бюрократ, заметим, — тип особый. Сам он считает себя никем и ничем незаменимой персоной, без которой любая ситуация становится неуправляемой и все разваливается, в нем же «старшие товарищи» ценят лояльность и технический профессионализм. А еще — умение не высываться, не показывать свой ум. Еще Петр I наставлял — по-императорски, Указом: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство».

Есть у «вертикальной» системы и своя обратная связь. Весьма, впрочем, специфическая — верноподданническая, подхалимская, лизоблюдская; инициатив и движений с такими признаками ей не занимать. Схемы-паттерны здесь хорошо известны: «вы (там наверху) еще не подумали, а мы уже готовы» или «расслабься и получай удовольствие». К обратной связи можно отнести также патерналистскую общественную психологию. Патернализм — это надежда на покровительство и отеческую заботу со стороны государства, власти, администрации как таковой, а также искренняя вера в то, что без государственных *бюро*-органов жизнь невоз-

можно в принципе. Бюрократия сверху получает тем самым мощную поддержку от *бюрофилии* или даже *бюромании* снизу. В наших конкретных условиях данная взаимосвязь принимает форму Общественного сговора. В отличие от Общественного договора *Social contract* — как на Западе, это действительно сговор власти с народом (или наоборот — инициатора тут не найти): вы нам пишете не очень совершенные и обязательные законы и уж не взыщите, если мы сами, на местах, доводим их до ума, подправляя правила «понятиями»; мы закрываем глаза на ваши вольности или шалости, а вы — на наши; «верхи не могут», но и — какое удачное совпадение! — «низы не хотят».

Обращаясь к профессиональной терминологии, эту ситуацию можно квалифицировать как бюрократический аутопоэзис. Впрочем, некоторые авторы называют отечественный патернализм более популярно — «социальной дедовщиной», подавляющей или стирающей личность. Добавим к сказанному, что патернализм тянет за собой инфантилизм, по цивилизационным меркам — пуэрилизм/детскость (Й. Хейзинга).

Весьма репрезентативен в рассматриваемом плане и феномен начальства. Пожалуй, это не просто феномен, а целый социальный институт со своими культурными корнями, правилами, нормами и, безусловно, неиссякаемым административным «облучением» окружающего мира. Олицетворяет и концентрирует вокруг себя институт начальства, конечно, начальник. Это не управленец и не менеджер, как принято теперь выражаться. И даже не босс. Это именно начальник — человек сугубо бюрократической, административной, так сказать, закваски. Ему не нужно досконально знать предмет, тему или область своего начальствования (управленческая всеядность), его легко можно перебросить с одного места-дела на другое. В принципе, ему все равно, чем заниматься, главное — чтобы руководить, давать ценные указания, проверять, контролировать и, в завершение, отчитывать. Сегодня, скажем, он политтехнолог, боец избирательного фронта, завтра ему доверяют электростанции, а послезавтра он уже возглавляет нанотехнологии. Он в обойме, ему постоянно доверяют и поручают, даже если успехи ниже *nano* и не поднимаются. Бывает, правда, что и выпадает — из этой самой обоймы, но только если уж совсем отбился от рук, и сами понимаете каких.

При отсутствии надлежащей профессиональной связи с предметом (темой, сферой) своего управления, начальник тем не менее считается — такова уж традиция — главным и беспрекословным авторитетом в нем. Отсюда такая тяга к всевозможным наградам, премиям, званиям, степеням — официальным удостоверениям «главности». Замечено также, что обычно эти торжества приурочиваются к возрастным юбилеям. Хотя известно, что большинство людей с возрастом не мудреют, а просто стареют.

Нельзя сказать, что начальники наши упрямы до бесчувственности, что не откликаются они на вызовы и требования времени. Как раз в наше время и в нашем отечестве они вдруг стали яростными рыночниками, везде и во всем, — включая общественные блага и социально-культурные услуги, то же образование, например, — ищущими цену, выгоду, прибыль. В этом смысле они самые настоящие

конъюнктуристики: узкий, не выходящий за бюрократическую околицу горизонт, полная погруженность в настоящее (данное, наличное), должностная отключенность от стратегического мышления, нежелание, а в отдельных случаях уже и неспособность принимать в расчет отдаленные последствия своих действий. Решения принимаются самые короткие — на выживание, а не на развитие рассчитанные. В коротких решениях нет перспективы и мотивированной, вдохновенной работы на нее. «Довлеет дневи злобы его» — выходит, что так. В порядке компенсации — за бюрократическую самонадеянность, близорукость и беспечность — предлагаются все более отдаленные прогнозы-планы: на десять, двадцать, тридцать лет. Еще не выполнена и, похоже, не будет выполнена двадцатилетка, но уже готовится (готова) очередная тридцатилетка. Цифры берутся по нарастающей, от якобы достигнутого — даешь стране угля! В то же время сказанное не отменяет и того, что в массе своей бюрократы консервативны: боятся новизны, постоянно оглядываются на прошлое, не любят изменений, подмораживают, если не замораживают, движение вперед. Странное в итоге получается сочетание — футуристически-конъюнктурный консерватизм.

ТАК ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ? **(не рецептурно — с философской точки зрения)**

После Макса Вебера, а также профессора Преображенского, мы знаем, что начинать любое дело нужно с его духа. В него, дух этот, входит многое: и психологические диспозиции (предрасположенности), и мотивация, и религиозно-нравственные убеждения («на том стою и не могу иначе»), и общекультурные компетенции, и профессионализм, и мировоззренческо-методологические ориентации. В последнем случае речь идет (должна идти) о прощании с простотой и обращении к принципам сложносистемного, сложностного (complexity) мышления. В условиях, когда множатся различия, нарастает инклюзивность, потоком идут инновации, постоянно что-то меняется (уточняется, дополняется), когда размываются границы, а вместе с ними и определенности, ускоряется ход истории в целом, — в таких условиях мышление и не может быть другим. Мы уже давно живем в негарантированном и, значит, неопределенном мире — пора с этим, как свершившимся фактом, согласиться и начать соответственно жить.

Сложностное мышление предполагает отказ от одной единственной, или «правильной», истины. Правильное славление, правильная вера — в этом же ряду истин. Утверждение насчет отсутствия одной истины, Истины с большой буквы, вообще-то с бородой — люди мыслящие знали об этом всегда. Но сегодня, похоже, оно становится очевидным и для тех, кто не испытывает особой симпатии к рефлексии, то бишь самоотчетному мышлению, кто глубже и дальше «народной задумчивости» не идет. Скорее всего, к этому располагает уплотнившаяся коммуникация и сблизившиеся различия, которые теперь могут встретиться прямо на лестничной площадке. Все истины в наше время относительны, но, конечно же, не произвольны — у них есть, должна быть объективная или обоснованная точка отсчета.

Применительно к предмету наших размышлений относительная истина — это отказ от веры в непременно одно верное решение (по известному принципу: есть два мнения — мое и неправильное) и, как следствие, признание права на альтернативу, на поиск других, и тоже состоятельных, путей решения поставленной задачи, возникшей проблемы. Абсолютно верных, непререкаемых и, как говорили когда-то коммунисты, вылитых «из одного куска стали» решений, вообще, видимо, не бывает. Как и принимающий их человек, они ограничены и конечны.

Профессионализм и компетентность в рассматриваемой проблеме представлять особо не нужно. Ясно, что работа, скажем, министерства культуры зависит от культуры министра, а министерства образования — от образования министра. Дефицит профессионализма — это теперь наша общая беда. Ну а о «троечных», если не «двоечных», решениях отечественных администраторов-начальников и говорить не приходится. Теперь даже боязно это делать — рискуешь напороться на ученую, степенями и званиями обозначенную, знаменитость. Здесь с определенностью просматривается не только их беда (которую невозможно оправдать), но и наша (нас, преподавателей) вина. Ведь это мы в свое время ставили им в зачетку не то, что они заслуживали (по принципу «тройку пишем — два в уме»). Об эффекте бумеранга забывать ни в коем случае не стоит. Морального (само)оправдания здесь нет и быть не может в принципе.

Профессионализм неотделим от рационализма (не путать с формальной рационализацией), некоторые считают их даже синонимами. Но тот рационализм, который работает на профессионализм, всегда связан с поиском оптимальности (принимаемых решений), т.е. с выделением главного и основного, с облегчением, а не усложнением нашей жизни. В нашей реальной управленческой практике эти вещи чаще всего расходятся. Да и как может быть иначе, если функционирование самого высшего законодательного органа страны нередко сравнивают у нас с работой «взбесившегося принтера».

Структурирование рационализма поиском оптимальности — задача не из легких. Тут требуется не только высокий профессионализм, но и особое искусство: не просто знание, но и чувство проблемы, ее специфической определенности, тонкое улавливание «духа времени» (стратегического, а не того, которое по душе начальству), умение найти релевантный контекст для четко идентифицированного «текста», ясное понимание последствий предпринимаемых шагов, мер, действий — словом, очень многое, перечень легко продолжить. Не упустить бы только такой элемент раскрываемого искусства, как мужество. Мужество сказать, например, что король-то голый или, как у Дж. Оруэлла, что дважды два — четыре.

Нужно быть очень осторожным с наложением формы (формализма) на непричесанное и потому живое содержание. Перефразировав Дж. Спенсера-Брауна, можно было бы сказать, что небюрократическая/небюрократизированная форма — это «*perfect continence*» (совершенная сдержанность) [3. Р. 1]. Чтобы не стать бюрократической, форма действительно должна быть совершенной, а равно и сдержанной — в своих функциях по наведению порядка, плодотворному руководству и управлению. В совершенство рассматриваемой формы входит многое, но ключевыми, на мой взгляд, остаются два фактора или ресурса: уже упомянутый выше профессионализм и коммуникативная компетентность. Профессионализм —

это, по сути, «работа» с делом: доскональное знание его «начинки», перспективное мышление, принятие требований современной динамики («мир становится быстрее»), успешное реагирование на множющиеся вызовы и риски. Коммуникативная компетентность — «работа» с людьми и среди людей: вкус к различиям, признание неотчуждаемой субъектности любого индивида («притязание на значимость», «борьба за признание»), разделение ценностей диалога и толерантности, уважение Другого.

Очень важно насыщать коммуникацию, особенно деловую, социальным капиталом, а это значит, и прежде всего, — доверием. Увы, веры в человека, доверия к человеку у нас очень мало. После профессионализма — это второй наш ключевой дефицит. Подозреваются — в чем-то нехорошем: отступлении от установленных правил, несоблюдении принятых форматов, в том, например, что вы можете, не пересекая границ, слетать в другую страну или, не дай Бог, утаить посадочные талоны, — действительно, подозреваются все без исключения. Нет доверия даже к убеленному сединами профессору, хотя по статусу он это самое доверие должен распространять среди студентов. Отсюда и язвительное замечание одного умного человека: «Некрасиво подозревать, когда вполне уверен». Можно ведь и по-другому, как кое-где и принято: профессору доверяют по определению, если нет к нему доверия, то значит, нет и этого конкретного профессора, профессорства, во всяком случае, — в данном университете. Помнится, один из героев Ф. Достоевского выразился так: «Если Бога нет, то какой же я после того капитан?». Описанная выше ситуация в чем-то схожа: Если нет Доверия, то какой же я после этого профессор? Между прочим, доверие — главный источник или ресурс социального капитала в обществе. Нельзя, как это повелось у нас, наказывать подозрением или недоверием всех за то, что кто-то один оступился, нарушил, не заполнил, не отчитался. Это какой-то допотопный подход, с XXI в. он не только не дружен — расходится принципиально.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бюрократия, бюрократизм — это не элемент (нашего) культурного кода и не наследуемый вирус вообще-исторического существования. В известном смысле — это плата за общественный порядок, за комфорт жизни среди многих. И если все складывается хорошо и бюрократия действительно рациональна, или минимально формальна, то плата получается вполне приемлемой. Важно сделать приемлемой саму бюрократию. Чтобы она имела обозримые и понятные границы, подлежала общественному контролю, стремилась служить, а не господствовать. Еще древними подмечен интересный (мы бы сегодня сказали, энтропийный) «закон природы»: любая власть, какой бы хорошей она ни была, со временем деградирует, портится, и чтобы этого не случилось или было меньше, ее надо чаще менять. Не перетряхивать или по разнарядке, сверху спущенной, обновлять, как это было в «усатые» времена, а именно менять — гласно, на конкурсной основе, с соблюдением всех принципов и норм, честно и достойно. Толковый бюрократ — это ведь тоже редкость, и его надо беречь. Но нужно беречь и экологию, т.е. ту, из рядовых людей состоящую среду, которая подвергается воздействию бюрократической радиации.

И еще одна исторически подмеченная закономерность, которую желательно не игнорировать: любая утопия при своей реализации непременно оборачивается антиутопией или дистопией. Административный рай, где все рационально/разумно схвачено, — это утопия, которая на поверку оказывается банально-бюрократическим ё-управлением (привет приснопамятному ё-мобилю!). Развиваться, а значит, кого-то или что-то менять или изменять нужно в любом случае — это и в самом деле объективная необходимость. Джек Уэлч, генеральный директор General Electric в 1981—2001 гг., обозначил ее так: «Если скорость изменений внутри учреждения ниже, чем скорость изменений за его пределами, конец не за горами».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подробнее об этом см.: *Гречко П.К.* Договор и сговор в мифологии общественной жизни // Свободная мысль. 1998. № 9—12. С. 35—42.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бренифье О.* 10 способов развить мышление // Сноб. URL: <http://snob.ru/selected/entry/100276>.
- [2] *Habermas J.* The Theory of Communicative Action, Volume One: Reason and the Rationalization of Society / Thomas McCarthy (trans.). URL: <http://bookre.org/reader?file=1421914&pg=3>.
- [3] *Spencer-Brown G.* Laws of Form. N.Y.: The Julian Press, 1972.

BUREAUCRACY: TRYING TO COMPREHEND A PHENOMENON

P.K. Grechko

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article exposes the author's understanding of bureaucracy as a formal rationalization of human activity for the purpose of vertical-external management of it. In fact, it is an universal-international phenomenon, but in every country it has its own specifics. Traditionally, all the public cases in Russia were built on the powerfully vertical principle. The professional-communicative horizontal has always been underestimated or even forced out to the periphery. The chief figure (*nachal'nik*) is also very typical of the Russian bureaucratic "culture". He is a man without a certain professional and business binding, a manager "of all trades", instrumentally competent and politically loyal. To reach an admissible level of bureaucracy it is important to structure rationality by a search for optimality, to strengthen civil society and associated public control, to develop complexity thinking, to saturate relationships among people with social capital (primarily trust), etc.

Key words: bureaucracy, formal rationalization, power vertical, professional-communicative horizontal, management, optimization.

REFERENCES

- [1] *Brenife O.* 10 sposobov razvit' myshlenie. Сноб. URL: <http://snob.ru/selected/entry/100276>.
- [2] *Habermas J.* The Theory of Communicative Action, Volume One: Reason and the Rationalization of Society. Thomas McCarthy (trans.). URL: <http://bookre.org/reader?file=1421914&pg=3>.
- [3] *Spencer-Brown G.* Laws of Form. N.Y.: The Julian Press, 1972.